

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 E-ISSN: 2413-726X
 2022. 10(2): 149-158

DOI: 10.13187/ra.2022.2.149
<https://ra.cherkasgu.press>

“Who Will Tell You How It Really Was?” Interview with a Participant in the Armed Conflict on the Territory of the Chechen Republic

Refat V. Vorobyov^{a, *}

^aSouthern Federal University, Russian Federation

Abstract

Two stages of the armed conflict on the territory of the Chechen Republic in 1994–1996 and 1999–2009 are an almost inexhaustible source for the military sciences of modern Russia, in particular, for military psychology. The experience of psychological services with former combatants of these armed conflicts, as well as the experience of private research, allows us to apply and make adjustments to the moral and psychological training of military personnel of the RF Armed Forces. Despite the richness of narratives in the form of interviews, there is a risk of encountering opposition from a potential respondent related to finding the memories of a former combatant in the trigger zone. This introduces some difficulties in interviewing ex-combatants. The article provides an interview with the captain of the military intelligence reserve of the Armed Forces of the Russian Federation, who took part in the second stage of the armed conflict on the territory of the Chechen Republic.

Keywords: armed conflict on the territory of the Chechen Republic, combatant, interview, post-traumatic stress disorder, oral history.

Изучение антропологии локальных вооруженных конфликтов на территории бывшего советского пространства во многом осуществляется благодаря проведению интервью с непосредственными их участниками – бывшими комбатантами, так как многие официальные источники хранятся под грифом «секретно», а в других случаях не позволяют получить объективную информацию. Однако запись нарративов при помощи интервьюирования представляет собой трудоемкий процесс. Интервью выступает в качестве вербально-коммуникативного метода общения и получения информации. Само проведение интервью с бывшими комбатантами можно считать психологической интервенцией (Томм).

Поведение человека на поле боя, в эпицентре боевых действий интересовало многих исследователей. Одной из первых обратилась к изучению военной повседневности в отечественной историографии Е.С. Сенявская (Сенявская, 1997; 1999 и др.). Изучая главным образом военную историю России XX в. сквозь призму истории повседневности, она определила ряд методологических аспектов данного направления (Сенявская, 2002). Подход Е.С. Сенявской характеризуется повышенным вниманием к психологическим аспектам военной деятельности: психологии боя, психологии участников боевых действий, психологии различных категорий военнослужащих и т.д.

В 2000-х гг. военно-антропологические исследования набирают обороты в отечественной науке, в том числе, при помощи методов интервьюирования (Кринко, 2021).

* Corresponding author

E-mail addresses: refatvorobev@gmail.com (R.V. Vorobyov)

Наиболее активно они применялись в изучении Великой Отечественной войны. Так, в коллективной монографии, изданной в Южном научном центре Российской академии наук, на основе интервью и других источников рассматриваются различные аспекты духовной жизни участников Великой Отечественной войны, их отношение к религии и суевериям, взаимоотношения мужчины и женщины на войне и др. (Кринко и др., 2013). Все более возрастающий интерес исследователей к военной повседневности и антропологии войн России XX в. свидетельствует о полномасштабном изучении указанных тем современной российской наукой.

Особую сложность представляет проведение интервью с участниками вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики, изучение которого подвергается политизации (Горюшина, 2019, 2020). Поэтому потенциальные респонденты стараются не распространяться о своем участии в вооруженном конфликте, зачастую отказывая в интервью, особенно с элементами аудио- и видеофиксации – из-за подозрений о дальнейшей судьбе предоставленных ими сведений.

Помимо того, во время интервью также есть риск столкнуться с противодействием респондента. Пережитые ранее эмоции и память о событиях у многих комбатантов находятся в стадии анабиоза и не выявляют себя в повседневной жизни. Однако интервьюер сам может являться триггером, который заставит респондента снова пережить психотравмирующее событие, что может вызвать необратимые последствия. Так как лишения в условиях военного конфликта, помноженные на имеющийся психотравмирующий опыт, приводят к окончательной разбалансировке всех системообразующих связей (Пушкарев, 1999). Поэтому правило соблюдения личных границ респондента во время интервьюирования является насущной необходимостью. Чаще всего неоднозначные реакции респондентов вызывают вопросы о потерях, уничтожении противника, применении стрелкового оружия и т.д. Зачастую у большинства комбатантов подобные вопросы находятся в триггерной зоне сознания, и поэтому могут всячески игнорироваться респондентами.

Пример подобной триггерной зоны представлен в интервью с капитаном запаса войсковой разведки Вооруженных сил РФ, принимавшем участие во втором этапе вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики. На вопросы интервьюера респондент отвечал достаточно уверенно, но при попытке задать вопросы из указанной группы, отказывался отвечать на них. Респондент стремился избегать ответов на вопросы, которые касались личного состава подразделения, смерти боевых товарищей, боевых столкновений с противником или обходился краткими ответами на них. Из этого следует, что данные события стали одним из психотравмирующих факторов, повлиявших на комбатанта. Можно также предположить, что респондент, как командир подразделения, испытывал чувство вины за гибель своих подчиненных, которых он не смог уберечь от смерти. При встрече с противником лицом к лицу респондент испытывал месть и ненависть к нему («Хотел убить»). Интервью стало той психологической интервенцией, которая спровоцировала срабатывание защитных механизмов психики, проявляющихся в форме ухода от ответов на задаваемые вопросы.

Следует отметить у респондента наличие некоторых признаков посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Например, отождествление бородатых людей с боевиками: «Вне зависимости от национальности, если человек бородатый – значит ваххабит». Респондент здраво подходит к данному проявлению своего подсознания. Однако сам факт наличия подобного отклика на триггер в виде «бороды» свидетельствует о возможном наличии ПТСР. Об образе противника было сказано всего пару слов («с бородой, лохматый»), что указывает на незаинтересованность в нем.

Несмотря на это, респондент уверенно заявляет о понимании четкой грани между войной и гражданским миром. Он сумел устроиться после выхода на военную пенсию на работу преподавателем основ безопасности жизнедеятельности (ОБЖ) в обычную общеобразовательную школу. Это свидетельствует об успешной самостоятельной реадaptации респондента.

Интервью проводилось автором в Ростове-на-Дону 28 ноября 2020 г. Продолжительность интервью составила 47 минут. Вопросы интервьюера приведены полужирным шрифтом и сопровождаются инициалами Р.В. Респондент пожелал остаться анонимным. Эмоциональные реакции респондента и пропущенные слова указаны в квадратных скобках.

Р.В.: Участником какого вооруженного конфликта Вы являетесь?

Контртеррористической операции в Чеченской Республике.

Р.В. Второго чеченского конфликта?

Да, ну я там был наездами, был командировками. Был в 2006, в 2007. Ну как таковой войны там уже не было. Там с бандформированиями короче... добивали их.

Р.В.: Чем Вы занимались до войны, какой род деятельности у Вас был?

Офицер, закончил военное училище, потом просто служил.

Р.В.: А что за военное училище?

Ростовское высшее военное командное инженерное училище ракетных войск¹. Потом поехал служить на Дальний Восток по распределению. Отслужил определенный срок, потом был переведен сюда – в Северо-Кавказский военный округ.

Р.В.: Какой был ваш основной род деятельности по ВУС² до того, как Вы попали на войну?

Вообще я служил в роте разведки и противодиверсионной борьбы. То есть наша... моя задача была в принципе там находить диверсионные группы, уничтожать их... ну, в общем, бороться при охране объектов определенных.

Р.В.: Как Вы попали на войну?

А там никто не спрашивает [смеется].

Р.В.: Ну, может вас как-то распределяли?

Не то чтобы распределяли. Отправляли в командировку и все. Все, ты едешь в командировку. И тебе сообщают, что ты едешь, и ты едешь.

Р.В.: Сколько Вам было лет, когда отправились в первую командировку на Кавказ?

Ох... Да я уже не помню. Давно это было. 30... 2006 год это сколько? Где-то, лет 35.

Р.В.: Какая обстановка была на Кавказе на момент Вашей первой командировки?

Ну... вы знаете... уже можно сказать, что было уже более или менее спокойно.

Р.В.: То есть, среди гражданского населения не было такого мнения, что Кавказ – это горячая точка или там опасно?

Нет, в принципе так открыто никто не говорил.

Р.В.: Какие чувства вы испытывали, когда Вам пришло распоряжение, что Вы отправляетесь в командировку?

Что я испытывал? Да черт его знает, что я испытывал [смеется]. С одной стороны неизвестность. Что там будет, как там будет. С другой стороны ну... сказать, что есть люди бесстрашные – это соврать. Был какой-то внутренний такой страх, сумбур. Ну какое-то непонятное смешанное [чувство]. Не могу я! Не могу я вам рассказать! Знаете, дискомфорт, беспокойствие. Вот так скажем – беспокойствие.

Р.В.: Как ваша семья отнеслась к тому, что Вы отправляетесь в командировку на Кавказ? Вы как-то предупредили родных?

А семья не знала. И до сих пор она о том, что я был в Чечне, не знает. Потому что в принципе я не говорил [о том, что был в Чеченской Республике]. По роду деятельности я не находился постоянно там. Я находился наездами. Вот, собрали группу, отправили, выполнили задачу, отсутствовали там 3–4 дня, вернулись и продолжаем [служить].

Р.В.: То есть, командировка занимала не больше недели? Не месяцами Вы находились в Чечне?

Нет, нет.

¹ Сформировано в 1937 г. как Ростовское артиллерийское училище (РАУ). С 1939 г. – Первое РАУ противотанковой обороны. С 1951 г. – Ростовское высшее артиллерийское инженерное училище. С 1962 г. – Ростовское высшее командно-инженерное училище (РВКИУ) имени главного маршала артиллерии М.И. Неделина. С 1982 г. – РВКИУ ракетных войск имени главного маршала артиллерии М.И. Неделина. С 1998 г. – Ростовский военный институт ракетных войск. С 2010 г. филиал Военной академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого. Расформирован в 2011 г.

² ВУС – военно-учетная специальность

Р.В.: У Вас была какая-то специальная военная подготовка, ознакомление с культурными традициями местного населения перед отправкой в Чеченскую Республику?

Да, естественно, были брифинги различные. А специальной военной подготовки не было. То есть по ходу дело было все.

Р.В.: Как Вы можете описать отношения людей, гражданского населения или своих товарищей к происходящему в Чеченской Республике?

Да никак. Никому не надо это было. Все всё понимали. А военные так вообще. Приказы не обсуждаем. Дан приказ ему на Запад, значит на Запад.

Р.В.: В период Ваших командировок в какого рода операция Вы участвовали?

Обнаружение схрона боеприпасов и вооружения, баз. То есть нам необходимо было, если первичная войсковая разведка устанавливала, что есть наличие в квадрате или нет [бандформирований, схрона и др.]. Задача нашей группы была тихо выйти, тихо подсветить цели, то есть для работы артиллерии координаты и так далее.

Р.В.: Были ли открытые боевые столкновения с противником?

Ну, как сказать. Были, конечно, но так, чтобы специально, нет. У нас другая задача стояла, я уже говорил.

Р.В.: А во время таких открытых столкновений с противником Вы конкретно видели, что убили кого-то?

Без комментариев [смеется].

Р.В.: Были ли какие-то трудности во взаимоотношениях между сослуживцами или подчиненными солдатами в командировках?

Нет, потому что группа была небольшая и она сработанная была уже, так что вопросов никаких не возникало.

Р.В.: А как Вы оцениваете взаимодействие различных родов войск? Возникали ли какие-то недопонимания?

Нет, недопониманий не было... Всякое бывало конечно, но за мою службу ничего такого не было. Бывало, что вышли в указанный район, а там в принципе уже ничего и нет. Иногда не могли точно найти где. Ставили [примерные] координаты, и этот район обрабатывала артиллерия. Главное было вовремя уйти.

Р.В.: А Вы в составе своей группы попадали в какие-то контрзасады?

Попадали.

Р.В. И как это происходило?

Шел, упал, очнулся – гипс.

Р.В.: Вы были в госпитале из-за ранений или может проблем другого характера?

Был, ну, так. Находился на общем осмотре у врача. У меня была легкая контузия. Это было... Нас накрыли минометным огнем. Вот.

Р.В.: Какие чувства Вы испытывали в момент обстрела?

Это ужас! Ну вот так вот, одним словом [смеется]. Ну, как сказать. Это не романтика, а тяжелый труд. В таких ситуациях должна просто планка упасть и все, никаких чувств, никаких эмоций, если чувства есть, то это плохо.

Р.В.: Вы замечали среди своих подчиненных в таких ситуациях панику или непонимание, как себя вести?

Нет, в таких ситуациях у людей обостряется желание жить, инстинкт самосохранения. То есть о том, чтобы кто-то запаниковал. Ну это не те задачи, куда отправляют неготовых людей.

Р.В.: Как Вы можете оценить уровень снабжения войск?

На тот момент очень плохое. Просто отвратительное. Для того, чтобы хорошо выполнить задачу, ты должен сам себя экипировать. То есть с тем, что выдавало государство, хорошо выполнить задачу было сложно. Сами покупали снаряжение. Лучшее, более качественное.

Р.В.: А что выдавало государство?

Ну, государство выдавало то, что было. Как говорят: «Дали нам бутылку водки, два куска гнилой селедки». Дали сухпай, дали снаряжение и пошел.

Р.В.: В Вашей группе подразумевалось взаимодействие с какой-либо бронированной техникой?

У нас способы доставки были в квадрат. Мы с парашютами не десантировались. В лучшем случае у нас было десантирование с вертолетов. Так что с броневой техникой у нас взаимодействия не было.

Р.В.: Что для Вас взаимодействие человека и оружия? Что для Вас оружие?

Это скажем... Как бы это выразиться правильно. Это ниточка, от которой зависит... или тот предмет, от которого во многом зависит, останешься ты жив или не останешься. Ты или тебя.

Р.В.: В Вашем подразделении или вообще в войсках были ли аналоги понятия «наркомовские сто грамм»?

Нет, ни в коем случае.

Р.В.: Как Вы относитесь к Вашим командировкам и тому, что происходило на тот момент на территории Чеченской Республики?

Ну... Как отношусь... Это уже прошло. Ну, я бы ее [Чеченскую Республику] еще в первую [кампанию] стер с лица земли и все.

Р.В.: Что занимало большую часть времени в командировках? Боевые выходы, досуг?

Значит, мы приезжали, перегружались, ехали выполнять задачу, после задачи возвращались на аэродром «подскока»¹ и возвращались обратно в часть.

Р.В.: У Вас со временем эмоционально менялось отношение к войне?

Со временем да... Не скажу, что я там был великое количество раз, и не скажу, что каждый раз как первый раз. Но все равно чувство тревоги всегда естественно были. Пока не начинали работать, лежишь, готовишься. Когда все – десантировались, тогда все. Тогда все эмоции отключаются и вперед.

Р.В.: Были ли случаи дезертирства или пацифизм среди бойцов?

Нет, такого не было. Не было речей, что вот: «Я брошу автомат, не пойду воевать», такого не было. Были такие, что прекрасно понимали, что можно обойтись и без этого, но выполнять [приказ] надо.

Р.В.: Были ли какие-то комичные случаи, которые Вам запомнились?

Был один комичный случай, я его до сих пор помню. Значит, пулеметчик у нас в группе, он был крупный парень такой, потому что пулемет не легкий. Вот, и когда мы отрабатывали преодоление полосы препятствий, там надо было ползать под колючей проволокой, он постоянно цеплял эту проволоку. Мы ему говорили: «Давай, ты, жирный, ты, толстый». А он говорит: «Я большой и не могу тут лазить». Но когда нас накрыли, мы попали под перекрестный огонь, то для того, чтобы сменить позицию пулеметчику, ему необходимо было проскочить метров 10, может быть 15 открытой местности, где редкий кустарник и просто высокая трава. И он [смеется], он так хотел жить, что распластался по траве так, что трава даже не шелохнулась и никто этого не заметил, как он сменил позицию. Это только потом хохотали, как он полз, приговаривая: «Ой, мамочки... Ой, мамочки».

Р.В.: Было ли у Вас чувство, что вы могли погибнуть во время боевого выхода?

Нет, такого не было. Ну единственное, когда вот попали под минометный огонь, когда нас накрыло. Ну я подумал, что могла не только контузия, а могло и... Осколком или еще чем-нибудь.

Р.В.: А как у Вас проходило время вне боевых выходов? Чем Вы занимались?

Ну, боевой выход – это слишком громко сказано. Это вот у тех, кто там в Ханкале² непосредственно находился на базе. А у нас как? Пришел, продолжается у тебя повседневная работа – то, что ты делал. Вот у тебя там – каждый день занимаешься подготовкой, бегаешь,

¹ Аэродром, предназначенный для кратковременной стоянки, пополнения боевого комплекта, дозаправки, оперативного обслуживания воздушных судов.

² До 2008 г. поселок Ханкала входил в состав Грозненского района. В 2000 г. здесь была открыта база российских войск. В настоящее время в составе Байсангуровского района города Грозный в Чеченской Республике.

прыгаешь, стреляешь, какие-то повседневные задачи выполняешь. Боеприпасы переносятся, еще что-то, еще что-то, ну то есть повседневно.

Р.В.: Пели ли какие-нибудь песни или рассказывали анекдоты, была какая-нибудь эмоциональная разгрузка?

Не было. Песни не пели.

Р.В.: Справляли ли праздники или дни рождения?

Нет. Ну как Вы будете во время боевых действий справлять день рождения? Просто говорили: «С Днем рождения!» И все. Когда приезжали уже в часть – да. Собирались компанией.

Р.В.: Вы читали какую-нибудь литературу, книги?

Ничего не читал. Спал.

Р.В.: Вы или ваши товарищи вели дневники?

Нет. Ни я, ни мои товарищи дневников не вели никогда [смеется].

Р.В.: Не хотелось или не считали нужным?

Даже и не хотелось. Вы знаете, мы делали не такую работу, за которую тебя все будут любить. Поэтому чем меньше людей знало и знает, чем мы там занимались, тем целее и живее будут все участники, кто это делал. Так что тут говорить не о чем. Не всегда были лицеприятные моменты, поэтому оставлять свидетельства какие-то... [не нужно].

Р.В.: Как обстояли дела с гигиеной во время полевых выходов? Зубы почистить и др.

Никак. Зубы почистить – веточку взял, почистил, прополоскал, выплюнул [смеется].

Р.В.: Как Вы оцениваете свое здоровье на период всей службы в Вооруженных силах РФ?

Скажем так: все, чем ты заболел, начинает выходить после сорока. Я даже после пенсии себя ощущал лучше всех!

Р.В.: В какое время года Вы были в командировках?

Получилось так, что я там [в Чеченской республике] не был зимой и поздней осенью.

Р.В.: Вы испытывали какие-нибудь неудобства в климате или ландшафте местности?

Нет, климатических неудобств не было. Неудобство было в том, что ты не видишь, что происходит впереди в метрах 15 от тебя. Потому что кругом зеленые растения.

Р.В.: Вам приходилось видеть гибель своих товарищей? Были ли двухсотые (убитые)?

Были, но...Эти вопросы я не комментирую.

Р.В.: Как Вы относились к противнику?

А как можно относиться к врагу?

Р.В.: Ну что Вы испытывали в момент, когда видели его в непосредственной видимости?

Хотел убить... [задумчиво].

Р.В.: Противник выглядел так, как типично описывают боевиков?

Да, с бородой, лохматый.

Р.В.: Когда Вы видите человека с бородой, у Вас возникают ассоциации с боевиками? Появляется ли у Вас чувство раздражительности?

Раздражительность не вызывает. Ну... Скажем так, что я... Ну, у меня подсознательно так...

Р.В.: Вне зависимости от национальной принадлежности?

Вне зависимости от национальности, если человек бородатый – значит ваххабит¹.

Р.В.: У Вас до сих пор это чувство?

Ну да, это у меня до сих пор присутствует.

Р.В.: Как Вы можете оценить боевые действия противника?

В каком плане?

Р.В.: Активное или пассивное сопротивление, предпринимал ли контратаки?

Да там.. Это секунды, понимаете? Это сотые доли секунды. Все. Друг друга увидел, кто первый выстрелит, тот и жив. Вот и все.

¹ Ваххабит – религиозно-политическое течение в исламе суннитского толка, основанное на непризнании любой власти, отходящей от законов шариата.

Р.В.: Были ли затяжные бои?

Не было, не было, не было. Были быстрые боестолкновения и все, и уходили.

Р.В.: А кто первым старался уйти?

Ну, в принципе, старались отойти мы. Ну, мы уже уходили, когда нас накрыли, это мы уже на отходе были. Мы уже подсветили [цели]. Мы уже уходили и попали под дозор, который возвращался.

Р.В.: Сколько человек было у Вас в подчинении во время полевых выходов?

Без комментариев. Каждый раз по-разному.

Р.В.: Ну, больше 10 человек?

Когда как.

Р.В.: Во время боевых выходов Вы взаимодействовали с другими разведгруппами?

Нет, только в рамках своего подразделения.

Р.В.: Были ли случаи, когда Вы не могли забрать раненных или убитых с поля боя?

Нет, не было.

Р.В.: Имело ли место взаимодействие с местным населением? Контактировали ли Вы с местным населением?

Нет.

Р.В.: Были ли какие-то конфликты с руководством или может что-то слышали поэтому поводу?

Нет, в большинстве своем ничего такого не было. Там были адекватные ребята.

Р.В.: Вы видели срочников, которые выполняли такие же задачи, как и Вы?

Вы знаете, я даже не задавался вопросом, срочник [это] или нет. Людей в форме видел. Нормально.

Р.В.: Вы держали связь с родными, общались?

Нет. Какие письма!? Вы у меня до этого спросили! Они и сейчас толком не знают, где я был.

Р.В.: С вами были какие-то личные ценные для вас вещи? Амулеты или еще что-то?

Нет. Даже документов не было.

Р.В.: С чем это было связано?

Я не суеверный человек. Ну был только единственное крестик нательный и все, больше ничего.

Р.В.: Среди бойцов вашего подразделения были представители ислама?

Респондент: Нет. У меня таких не было. Не знаю.

Р.В.: Как СМИ освещали нахождение контингента Вооруженных сил РФ в Чеченской Республике?

Никак.

Р.В.: То есть в новостях никак не афишировали происходящее в Чеченской республике?

В смысле? Когда было все хорошо, говорили, что нашли схрон, уничтожили...

Р.В.: Как Вы считаете, по ТВ показывали все то, что на самом деле происходило в Чечне?

Ну, естественно, показывали хорошую, красивую картинку. Кто Вам будет говорить, как было на самом деле?

Р.В.: Вы были не согласны с тем, что говорили по ТВ?

Ну, да, конечно. С другой стороны, зачем знать, что там происходит. Меньше знаешь – крепче спишь, понимаете?

Р.В.: Каким было Ваше отношение к войне до Ваших командировок и как оно изменилось после?

До командировок – никак. Ну как представлялось... А после командировок уже ну... То есть, до командировок ты не знаешь, что это, а после ты уже представляешь, что может быть, если будет что-то не так.

Р.В.: А сейчас как вы относитесь к войне в общем?

Лучше худой мир, чем добрая война, понимаете? То есть в любом случае это не хорошо. Но если надо будет идти воевать, то я пойду воевать.

Р.В.: Замечали ли Вы среди бойцов какое-либо проявление храбрости на поле боя? Может, совершались какие-то подвиги?

Ну, знаете. Твое нахождение там [в Чеченской Республике] и его, [товарища], нахождение там – это уже подвиг. Таких, как Александр Матросов¹, который кидается на дзот там не было, я не видел. Но само нахождение, то, что ты там, то, что ты не закосил – это уже подвиг.

Р.В.: Как для Вас закончилась череда командировок в Чечню?

Как обычно. Как и каждая командировка. То есть ничего не это самое... Как обычно.

Р.В.: А вы чувствовали, что это может быть Ваша последняя командировка?

Не-а, даже не задумывался.

Р.В.: По окончании командировок Вы пытались как-то вернуться на войну?

Вернуться не пытался, не хотел даже. Но я первое время, когда ушел на пенсию, первое время не мог находиться [дома]... Мне обязательно нужно было чувствовать запах пороха. Ну, были такие случаи, когда там ребята знакомые ездили стрелять на стрельбище и звали меня. Я все бросал, с уроков уезжал и мне надо было обязательно стрелять.

Р.В.: Сколько еще Вы прослужили в Вооруженных силах РФ после второго этапа вооруженного конфликта на территории Чеченской республики?

Ну, я ушел, не знаю сколько там... Может быть, год. Я ушел в январе 2009 г.

Р.В.: Вам было трудно адаптироваться к гражданской жизни после того, что Вы пережили и что прошли?

Нет, не скажу, что было особо трудно. Я и до этого прекрасно понимал: там одни ценности, тут совсем другие ценности. Ну, просто я не менял свои ценности, поэтому сказать, что я там адаптировался – нет. У меня как были определенные ценности, так я с ними и иду по жизни.

Р.В.: Чем Вы занимались после службы и, может, занимаетесь сейчас?

Учителем ОБЖ.

Р.В.: Вы проходили какие-то курсы или дополнительное обучение для этого?

Курсы повышения квалификации, педагогические [смеется].

Р.В.: У Вас был какой-то промежуток времени, когда Вы отдыхали от службы?

Нет, сразу с корабля на палубу. Я еще даже служил и готовились документы на пенсию, а меня уже сюда пригласили работать учителем.

Р.В.: У Вас был какой-то процесс переосмысления Вашего военного прошлого?

Вообще не задумывался. Я просто выполнял приказ.

Р.В.: Вы занимаетесь сохранением памяти о вооруженном конфликте на территории Чеченской Республики?

Нет. Я занимаюсь поиском военнослужащих, погибших в Великую Отечественную войну.

Р.В.: Вы не видели никакой политической подоплеки в этом конфликте?

Об этом пускай думают там, те [неценз.], которые отмывали на ней деньги.

Р.В.: Как Вы относитесь к тем, кто стоял у власти в период вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики?

Они украли победу у армии еще в Первую чеченскую [войну], нечего говорить об этом.

Р.В.: А в том конфликте, в котором Вы участвовали?

Если бы в первую [чеченскую войну] не украли бы, то второй бы не было.

Р.В.: Вы встречаетесь со своими боевыми товарищами?

Ну, нас в принципе раскидало. Поэтому, скажем так, что мы общаемся по телефону, в мессенджерах. Так, скажем, когда кто-то проездом есть, то стараемся встречаться. Ну, вот так как-то.

¹ Матросов Александр Матвеевич (1924–1943) – красноармеец, стрелок-автоматчик 2-го отдельного стрелкового батальона 91-й отдельной Сибирской добровольческой бригады, Герой Советского Союза. Погиб в 19 лет, закрыв своей грудью амбразуру немецкого дзота. По мнению респондента, подвиг Александра Морозова является одним из характерных примеров проявления героизма на поле боя.

Р.В.: Вы не рассказываете своим родным о том, что было на войне?

Нет.

Р.В.: Не считаете ли Вы, что необходимо рассказывать молодому поколению о войнах последних лет, как об этом рассказывают о Великой Отечественной?

Какие-то отголоски... Естественно, надо приводить примеры, надо рассказывать, чтобы это самое. Но так, чтобы популяризировать эту войну, в этом нет никакого смысла.

Р.В.: Видели ли Вы людей, которые воевали еще с Афганской войны, первого этапа вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики?

У меня вон что. У меня брат в Питере. Он прошел две чеченских [войны]. В 1994 г. заехал, так в 2006 г. выехал.

Р.В.: У Вас только брат или кого-то еще видели, служили вместе?

Ну, как, в смысле, что видел? Ну да, знаю про... Ребята были и в первую чеченскую, и во вторую.

Р.В.: Как Вы можете описать этих людей? У них есть какое-то определенное желание воевать?

Нет, жить без этого они могут. Ну да, у них там своя специфика, своя психика.

Р.В.: Почему Вы решили дать мне интервью?

Вы заинтересовались, я и дал. Мне не жалко.

Р.В.: Благодарю за Ваши ответы и потраченное время.

Да не за что.

Литература

Горюшина, 2019 – Горюшина Е.М. Рядовой бесславной войны: интервью с участником зимнего штурма Грозного 1994 г. // *Новое прошлое / The New Past*. 2019. № 1. С. 238-268.

Горюшина, 2020 – Горюшина Е.М. Непримиимые нарративы «о Другом»: изучение памяти о вооруженном конфликте в Чечне // *Ideology and Politics Journal*. 2020. № 2 (16). С. 279-302.

Кринко, 2021 – Кринко Е.Ф. Войны и население Северного Кавказа в XIX–XXI вв.: итоги изучения демографических и историко-антропологических вопросов // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2021. Т. 12. Вып. 10 (108) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840017566-1-1/> (дата обращения: 05.12.2021).

Кринко и др., 2013 – Кринко Е.Ф., Тажидинова Т.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.

Пушкарев, 1999 – Пушкарев А.Л. Диагностика посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у участников военных действий. Минск: БНИИЭТИН, 1999. 17 с.

Сенявская, 1999 – Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. — М.: Институт российской истории РАН, 1997. 232 с.

Сенявская, 1999 – Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.

Сенявская, 2002 – Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология — новая отрасль исторической науки // *Отечественная история*. 2002. № 4. С. 135–145.

Томм, 1987 – Томм К. Интервенция через интервью: Часть II. Рефлексивные вопросы как средство для самоисцеления. [Электронный ресурс] URL: <https://dogmon.org/karl-tomm-intervenciya-cherez-interveyu-chaste-ii-refleksivnie.html/> (дата обращения: 13.11.2022).

References

Goryushina, 2019 – Goryushina, E.M. (2019). Ryadovoy besslavnoy voyny: interv'y u s uchastnikom zimnego shturma Groznogo 1994 g. [Private of the inglorious war: an interview with a participant in the winter assault on Grozny in 1994]. *Novoe proshloe / The New Past*. 1: 238-268. [in Russian]

Goryushina, 2020 – Goryushina, E.M. (2020). Neprimirimye narrativy “o Drugom”: izuchenie pamyati o vooruzhennom konflikte v Chechne [Irreconcilable narratives “about the Other”: studying the memory of the armed conflict in Chechnya]. *Ideology and Politics Journal*. 2(16): 279-302. [in Russian]

Krinko, 2021 – *Krinko, E.F.* (2021). Voyny i naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XXI vv.: itogi izucheniya demograficheskikh i istoriko-antropologicheskikh voprosov [Wars and the population of the North Caucasus in the 19th–21st centuries: the results of the study of demographic, historical and anthropological issues]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. 12. Is. 10(108). [Electronic resource]. URL: <https://history.jes.su/s207987840017566-1-1/> (date of access: 05.12.2021). [in Russian]

Krinko i dr., 2013 – *Krinko, E.F., Tazhidinova, T.G., Khlynina, T.P.* (2013). Chastnaya zhizn' sovetskogo cheloveka v usloviyakh voennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–1945) [The Private Life of a Soviet Man in Wartime Conditions: Space, Borders and Implementation Mechanisms (1941–1945)]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 362 p. [in Russian]

Pushkarev, 1999 – *Pushkarev A.L.* (1999) Diagnostika posttravmaticheskogo stressovogo rasstroystva (PTSR) u uchastnikov voennykh deystviy [Diagnosis of post-traumatic stress disorder (PTSD) in combatants]. Minsk: BNIETIN, 17 p. [in Russian]

Senyavskaya, 1997 – *Senyavskaya, E.S.* (1999). Chelovek na voyne. Istoriko-psikhologicheskie ocherki [Man at war. Historical and psychological essays]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 232 p. [in Russian]

Senyavskaya, 1999 – *Senyavskaya, E.S.* (1999). Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii [The psychology of war in the 20th century: the historical experience of Russia]. Moscow: ROSSPEN, 383 p. [in Russian]

Senyavskaya, 2002 – *Senyavskaya, E.S.* (2002). Voенно-istoricheskaya antropologiya — novaya otrasl' istoricheskoy nauki [Military historical anthropology - a new branch of historical science]. *Otechestvennaya istoriya*. 4: 135-145. [in Russian]

Tomm – *Tomm, K.* Interventsiya cherez interv'yu: Chast' II. Refleksivnye voprosy kak sredstvo dlya samoistseleniya [Interventive Interviewing: Part II. Reflective questions as a means for self-healing]. [Electronic resource]. URL: <https://dogmon.org/karl-tomm-intervenciya-cherez-intervyu-chaste-ii-refleksivnie.html> (date of access: 13.11.2022). [in Russian]

«Кто вам будет говорить, как было на самом деле?» Интервью с участником вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики

Рефат Валерьянович Воробьев^{а, *}

^а Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Два этапа вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики 1994–1996 гг. и 1999–2009 гг. являются почти неисчерпаемым источником для военных наук современной России, в частности – военной психологии. Опыт работы психологических служб с бывшими комбатантами данных вооруженных конфликтов, а также опыт частных исследований позволяет применять и вносить коррективы в морально-психологическую подготовку военнослужащих ВС РФ. Несмотря на содержательность нарративов в виде интервью, есть риск столкнуться с противодействием потенциального респондента, связанного с нахождением воспоминаний бывшего комбатанта в триггерной зоне. Это вносит некоторые трудности в интервьюировании бывших комбатантов. В статье приведено интервью с капитаном запаса войсковой разведки Вооруженных сил РФ, принимавшего участие во втором этапе вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики.

Ключевые слова: вооруженный конфликт на территории Чеченской Республики, комбатант, интервью, посттравматическое стрессовое расстройство, устная история.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: refatvorobev@gmail.com (Р.В. Воробьев)